

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Государство и Церковь

**в СССР и странах Восточной Европы
в период политических кризисов
второй половины XX века**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2014

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6
Г72

Редакционная коллегия:

д.и.н. *Т.В. Волокитина*, д.и.н. *М.И. Одинцов*, д.и.н. *А.Ф. Носкова*

Рецензенты:

д.и.н. *О.И. Величко*, д.и.н. *В.И. Косик*

Г72 Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века /
отв. ред. Г.П. Мурашко, А.И. Филимонова. М. : Институт славяноведения РАН; СПб. : Нестор-История, 2014. — 540 с.
ISBN 978-5-4469-0032-9
ISBN 978-5-7576-0304-9

Сборник статей «Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов во второй половине XX века» охватывает широкий спектр значимых и малоисследованных вопросов, касающихся опыта отношений между государственными институтами и церковью в СССР и странах Восточной Европы в кризисные, переломные моменты истории.

Исследование опыта поиска и построения диалога по линии государство-церковь в условиях острых политических кризисов показывает, что в этой сфере наблюдались самые различные формы поведения — от противостояния до приспособления/слияния с режимом.

В широком смысле ставится проблема конформизма и конфронтации церкви во взаимоотношениях с государством и вопрос взаимодействия госорганов и церкви в критические для национальной истории периоды, борьбы светской и духовной власти за общественные настроения, за монопольное влияние на общественные процессы.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-4469-0032-9

9 785446 900329

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Нестор-История», 2014

К читателю

Вторая половина XX — начало XXI века в историческом развитии СССР и стран Восточной Европы ознаменовались важными общественными трансформациями. Их итогом явилось крушение политических режимов советского типа, сложившихся в регионе после Второй мировой войны. В каждой из стран этому процессу предшествовали политические кризисы, постепенно подтачивавшие основные несущие конструкции режимов и, в конечном счете, властную монополию коммунистических партий. В основе этих кризисов лежало столкновение интересов части правящей партийно-государственной элиты и широких слоев общества. Церковь как духовный институт, располагавший поддержкой различных социальных групп населения, претендовала на участие в определении перспектив дальнейшего национального развития, являлась одним из активных факторов, непосредственно влиявших на динамику и разрешение кризисных ситуаций. Это обстоятельство актуализировало необходимость тщательного, всестороннего исследования конфессиональной политики, взаимоотношений государственной власти и религиозных институтов. Однако вплоть до падения политических режимов «церковная» проблематика находилась в жестких идеологических тисках, ее изучение ограничивалось, а то и откровенно табуировалось.

Принципиальные изменения, наступившие в СССР и странах «социалистического содружества» на рубеже 1980-х — 1990-х гг., вызвали небывалую волну интереса общества к собственной истории, желание видеть полную, без прикрас и умолчаний, картину прошлого, знать «всю правду» о нем, не отягощенную идеологическими постулатами. Развернувшаяся «архивная революция», открывшая широкий доступ к документальным коллекциям, была призвана способствовать удовлетворению этого интереса.

Исследователи получили, наконец, возможность оперировать оригинальными источниками, долгие годы находившимися на особом режиме хранения.

В такой благоприятной обстановке впервые оказались и исследователи, чей научный интерес фокусировался на изучении вопросов конфессионального характера. Начала действовать общественная организация Объединение исследователей религии, формировались исследовательские коллективы и научные центры в некоторых институтах Российской академии наук и вузах.

Один из таких коллективов — Центр по истории сталинизма в Восточной Европе — сложился в Институте славяноведения РАН. На протяжении ряда лет его сотрудники занимались изучением политических режимов советского типа, активно публиковали документы российских архивов. Постепенно в ходе этой работы пришло понимание важности обращения к вопросам конфессиональной политики, изучения и сопоставления моделей государственно-церковных отношений, выявления их специфики и общих характерных черт.

Первой попыткой такого подхода стало проведение в 2002 г. «круглого стола» совместно с Объединением исследователей религии. Итогом явилась подготовка скромного сборника статей и документов, приуроченного к юбилейной дате — 60-летию создания Совета по делам Русской православной церкви*. С этого времени конфессиональная тематика заняла важное место в исследованиях Центра.

Была развернута интенсивная работа по выявлению и изучению документов центральных федеральных архивов России — Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Архива внешней политики Российской Федерации. Энтузиазм исследователей встретил понимание и у руководства Архива Президента Российской Федерации. Важнейшим итогом совместной работы историков и архивистов стала двухтомная публикация документов и написанная на ее основе монография**.

* Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы / Отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2003.

** Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2-х тт. / Отв. ред. Т. В. Волокитина / М., 2008; *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть

Второе дыхание обрел в это время замысел сопоставительного анализа основных направлений и особенностей конфессиональной политики в странах Восточной Европы, воздействия на нее «советского фактора». Его реализация началась в рамках научного проекта «Русская православная церковь и конфессии Восточной Европы в системе государственных интересов СССР», поддержанного грантом Президиума РАН.

Понимая важность расширения границ научного поиска, руководители проекта привлекли к участию коллег из Института всеобщей истории РАН и МГИМО(У) МИД РФ, в структуре которых активно действуют научные центры, занимающиеся конфессиональными вопросами. В результате дискуссий обозначилась и еще одна важная исследовательская грань — место и роль конфессиональных институтов в национально-религиозных конфликтах XX столетия.

В рамках вышеназванного проекта были проведены «круглый стол» (его материалы изданы в 2011 г. *) и конференция «Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX в.». Подготовленный по ее итогам сборник статей читатель держит сейчас в руках. В нем участвуют не только российские ученые, но и коллеги из Венгрии, Словакии, Сербии, Румынии.

Статьи сборника охватывают различные аспекты государственно-церковных отношений в Советском Союзе/России и восточноевропейском регионе, рассматриваемые в широком хронологическом диапазоне. Это позволяет протянуть своеобразную нить преемственности, наиболее полно познакомить читателя с динамично развивающимися процессами в конфессиональной сфере. Особое внимание авторы уделяют кризисным фазам развития общества, стремятся воссоздать картину конфессионального бытия в сложных условиях общественно-политических трансформаций.

Государственно-церковные отношения в СССР, внешнеполитическая деятельность Московской патриархии, роль Совета по делам

и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008.

* Государство и церковь в XX веке. Эволюция взаимоотношений: политический и социокультурный аспекты / Отв. ред. А. И. Филимонова. М., 2011.

РПЦ в установлении контактов с религиозными структурами в странах «социалистического лагеря», особенности конфессиональной обстановки в Советском Союзе в «эпоху гласности и перестройки» — эти и многие другие вопросы рассмотрены в статьях д.и.н. Т. А. Чумаченко и д.и.н. М. И. Одинцова. В широких хронологических границах проанализировали историю и современное состояние православия в Эстонии церковные историки протоиереи Н. Балашов и И. Прекуп.

Не останется равнодушным читатель, знакомясь с публикуемыми в приложении сборника фрагментами дневника протоиерея В. Рожкова. Они дают представление о повседневной жизни Русской православной церкви в период т. н. хрущевских гонений на РПЦ. Полностью дневник протоиерея В. Рожкова предполагается опубликовать в «Православном вестнике», который в 2012 г. уже поместил материалы о начальном период его деятельности. Также в приложении содержится подборка документов российского архива (ГАРФ), касающихся вопроса пребывания румынского министра культов, Петре Константинеску-Яша в СССР в 1955 г.

С развитием церковной обстановки в Болгарии, начиная с первых послевоенных лет и заканчивая расколом в Болгарской православной церкви на рубеже XX и XXI вв., знакомят читателя статьи д.и.н. Т. В. Волокитиной и к.и.н. В. В. Буреги. История отношений государства и католического костела в Польше в кризисных 1956 и 1970–1971 гг. и на современном этапе — тема статей д.и.н. А. Ф. Носковой, к.и.н. В. В. Волобуева и д.и.н. Л. С. Лыкошиной. Деятельность римско-католической и греко-католической церковью в Чехословакии в контексте общественно-политического кризиса 1968 г. отражена в статьях д.и.н. Г. П. Мурашко и словацкого историка М. Главеняка. Читателя, несомненно, заинтересует анализ церковной политики режима Я. Кадара и освещение влияния кризиса 1956 г. в Венгрии на позиции и оценки главы католической церкви кардинала Й. Миндсенти в статьях венгерской исследовательницы д-ра М. Балог и к.и.н. А. С. Стыкалина. Судьба греко-католической церкви в Румынии и отношение православного румынского епископата к ее ликвидации — в центре внимания известного румынского религиоведа К. Василе. Исключительную актуальность приобретают сегодня размышления и выводы к.и.н. А. И. Филимоновой и сербских историков В. Дмитриевича и З. Чворовича, сосредоточившихся на изучении влияния конфессионального фактора в государственно-политическом

кризисе в Югославии, обернувшимся распадом страны и кровопролитными этно-гражданскими локальными войнами, а также роли Ватикана в распаде Югославии. Значение «исламского фактора» в этноконфессиональной трансформации на Балканах в конце XX — начале XXI в. проанализировал А. Г. Ананьев.

Особо следует подчеркнуть, что, обосновывая свои выводы, авторы сборника широко привлекают не известные ранее документальные материалы как российских, так и национальных архивов, а их принадлежность к различным научным школам, порой существенно отличающимся методологическими подходами, несомненно, обогащает исследовательскую палитру.

Переводы, редакция и примечания работ иностранных авторов выполнены сотрудниками института Гусевым Ю. П., Дроновым М. Ю., Филимоновой А. И., Хавановой О. В., Анжелой Колин, о. Ионом Мотынгой (Молдова).

Т. А. Чумаченко

**Совет по делам Русской православной
церкви и внешнеполитическая деятельность
Московской патриархии:
проблемы взаимодействия
с государственными органами стран народной
демократии во второй половине 1950-х годов**

Изменения на политическом Олимпе, произошедшие в марте 1953 г., безусловно, вызвали озабоченность всего аппарата Совета по делам РПЦ (СДРПЦ). И среди сотрудников Совета, и в Московской патриархии высказывались предположения о том, что действовавшие при правительстве Советы (по делам РПЦ и по делам религиозных культов) перейдут в подчинение Министерства внутренних дел, а то и Министерства культуры, и пр. Не было также ясно, кто же теперь персонально курирует работу Советов от правительства.

Председатель СДРПЦ Г. Г. Карпов, вернувшись после болезни в конце апреля 1953 г. к руководству Советом, попытался осторожно прозондировать ситуацию у нового председателя Совета министров СССР Г. М. Маленкова. В письме главе кабинета Карпов сообщил о беспокойстве патриарха Московского и всея Руси Алексия («На каком положении будет в дальнейшем существовать Совет по делам РПЦ», «Будет ли изменено существующее положение в деле осуществления связи между церковью и государством?»). Карпов информировал Маленкова о своем письме патриарху в Одессу, в котором, в частности, написал: «...Не вижу никаких оснований для Вашего беспокойства, так как никаких изменений в Положение о Совете не внесено...»¹. Конечно, председатель СДРПЦ и сам хотел знать, коснутся ли начавшиеся преобразования в структуре власти (например, мероприятия по укрупнению министерств) руководимого им органа, каким будет отношение «наверху» и к Совету, и к его политике.

На протяжении 1953 г. СДРПЦ, направлявший в инстанции материалы о деятельности Русской православной церкви на международной арене с постоянным акцентом на «известный государственный

интерес» этого направления работы, никаких принципиальных указаний о новых внешнеполитических задачах Московской патриархии не получил. Более того, выяснилось, что по «внешней линии» Совета ни одна из высших инстанций не берет на себя ответственность принимать решения².

В такой ситуации председатель Совета не мог не поддержать инициативы патриарха Алексия встретиться с главой правительства. Передавая Маленкову просьбу патриарха и перечень вопросов, «которые он хочет поставить на приеме», Карпов приобщил к этой информации и свои вопросы, по которым «...Совет хотел бы знать мнение директивных инстанций»³.

Ответом последних явилось постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения»⁴. Развернувшаяся антирелигиозная кампания в СССР вызвала обеспокоенность в церковных кругах зарубежных стран. Реакция международной религиозной общественности, наряду с другими, «внутренними», факторами, послужила для Карпова еще одним доводом для обращения совместно с председателем Совета по делам религиозных культов И. В. Полянским в ЦК КПСС. В письме от октября 1954 г., авторы, в частности, обращали внимание и на внешнеполитические последствия «невыдержанной антицерковной, антипоповской пропаганды» на страницах советской печати: «...Ошибками и извращениями приведены в движение не тысячи, а миллионы населения нашего Советского Союза, которые из этих ошибок делают провокационные выводы. Делают такие выводы и отдельные церковные руководители в странах народной демократии. Поставлены в затруднительное положение те руководящие представители религиозных центров в СССР, которые ежедневно принимают почти все приезжающие в страну иностранные делегации, и те церковные лица, которые выезжают за границу...»⁵.

Представляется, что в первую очередь интересы внешнеполитического характера предопределили принятие нового постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения»⁶. Новое руководство СССР выходило на международную арену с программой смягчения международной напряженности, и обострение взаимоотношений с Русской церковью — и через нее с православным миром — могло повредить имиджу советских лидеров.

Принятие постановления ЦК КПСС от 10 ноября и прием Маленковым 11 декабря 1954 г. патриарха Алексия⁷ явились ключевым моментом в государственно-церковных отношениях после смерти Сталина, определенным стимулом для активизации внешнеполитической деятельности Московской патриархии в интересах государства.

Все это предопределило и новый этап в работе СДРПЦ: его деятельность вновь оказалась важной и значимой для власти, упрочилось его положение в структуре государственных органов страны. Достаточно сказать, что на представительскую деятельность Совета в 1955 г. Министерство финансов утвердило значительную сумму — 33 тыс. руб., в отличие от неизменных 3 тыс. руб., выделявшихся «на приемы» во все предшествующие годы⁸.

Официальная власть старалась продемонстрировать и новый характер взаимоотношений с Русской православной церковью: иерархи Московской патриархии становятся частью политического истеблишмента советского государства. С июня 1955 г. на приемах в честь иностранных гостей впервые присутствуют церковные руководители⁹. Журнал Московской патриархии, начиная с 10 номера за 1955 г., даже ввел отдельную рубрику — «Присутствие представителей РПЦ на приемах в честь иностранных гостей».

По масштабам активности Русской православной церкви на международной арене и включенности ее во внешнеполитические акции советского правительства 1955 год превзошел все предыдущие. В этом году Московская патриархия приняла рекордное число зарубежных делегаций — 11 (в 1954 г. — 5) в составе 57 человек (в 1954 г. — 28), которые провели в стране в общей сложности 220 дней. В свою очередь, 8 делегаций РПЦ в составе 41 человека выезжали в тот год за границу¹⁰.

Вся тяжесть организационной и оперативной работы ложилась на СДРПЦ, а точнее, на Отдел по делам Центрального управления РПЦ (в рабочей переписке — Иностраный отдел) Совета. В 1955 г. Отделом в Министерство иностранных дел было отправлено 257 писем, в Комиссию по выездам — 158. Только на приемы в Совете иностранных гостей и иерархов РПЦ было потрачено 73 897 руб., и Карпову даже пришлось прилагать к бухгалтерскому отчету объяснительную записку¹¹.

В отчете Отдела за 1955 г. его заведующий Г. Т. Уткин констатировал, что работу на европейском направлении во многом облегчили

бы более тесные контакты с органами стран народной демократии, ведающими церковно-религиозной сферой¹². Необходимость этого Совет всегда подчеркивал в своих докладных записках. Но, несмотря на то, что советское руководство формально соглашалось с Советом, контакты эти были крайне эпизодическими и не всегда, с точки зрения председателя СДРПЦ, плодотворными. Это, например, касалось визита в Москву в августе 1955 г. по приглашению Карпова министра культов Румынской народной республики профессора Константину-Яшь¹³.

К 1956 г. политическая ситуация в странах Восточной Европы и связанная с ней обстановка в церковно-религиозной сфере требовали более тесного взаимодействия СДРПЦ с аналогичными органами в странах «социалистического лагеря». Обращает на себя внимание просьба Карпова, адресованная МИД СССР, предоставить Совету полную информацию об органах, занимающихся делами церкви (история создания, структура и пр.) в странах Восточной Европы¹⁴. Необходимость более тесного взаимодействия была, в первую очередь, связана с активизирующейся деятельностью греко-католического духовенства на Украине, в Польше, Чехословакии, Румынии, Венгрии. Актуальность этой проблемы в СССР и в других странах была вызвана начавшимся процессом десталинизации и возвращением из заключения и ссылок по амнистии большого числа униатских священников. В Советском Союзе, по данным СДРПЦ, только на территорию пяти областей Украины вернулись по амнистии 283 человека¹⁵. Схожие процессы происходили в Чехословакии, Польше, Венгрии при общем оживлении деятельности Ватикана в Восточной Европе.

Так, в Польше организованное с разрешения властей Украинское культурно-просветительское общество подняло вопрос о восстановлении Греко-католической церкви в стране¹⁶. В Чехословакии бывшие униатские священники, перешедшие в православие, уходили из православных храмов, вновь обострилась религиозная ситуация в Словакии¹⁷. Управление по делам церкви Чехословацкой республики через советское посольство в Праге обратилось к советскому руководству с просьбой «командировать из СССР 25–30 священников на 5 лет для работы в православных приходах» («заместить вакантные места»). Уже в марте 1956 г. особым распоряжением Совета министров СССР и решением Президиума ЦК КПСС Московской патриархии было разрешено направить в Чехословакию 10–15 человек¹⁸.

В августе 1956 г. Совет обращается в МИД с просьбой «поручить посольствам СССР в Венгрии и Польше выяснить и точно сообщить количество приходов и священников Греко-католической (униатской) церкви и имена ее руководящих деятелей...»¹⁹. В ответ Совет весьма оперативно — через пять дней — получил информацию и из Венгрии, и из Польши.

Согласно письму поверенного в делах СССР в ПНР П. П. Турпительского, Департамент по делам вероисповеданий Польши был очень обеспокоен деятельностью униатов. По сведениям Департамента, в Польше значительная часть украинцев (более 200 тыс. человек) являлись униатами, существовал «неофициальный греко-католический центр» во главе со священником Репецким, которому оказывал помощь Ватикан. Департамент считал, что восстановление Греко-католической церкви в Польше выходило за рамки внутривосточного вопроса. Во-первых, Польша оказалась бы единственным государством в соцлагере, где существовала Греко-католическая церковь, во-вторых, ее восстановление могло повлиять на положение в Чехословакии, Румынии и советской Западной Украине. Кроме того, сотрудники Департамента высказали претензии к митрополиту Варшавскому и всея Польши Макарию (Оксиюку), который «не проявляет должной инициативы в том, чтобы проводить работу по привлечению греко-католиков в православие. Департамент по делам вероисповеданий, писал Турпительский, «придерживается мнения о необходимости принятия всех мер, направленных на недопущение восстановления в какой бы то ни было форме деятельности Греко-католической церкви». Через советского дипломата польские «друзья» попросили прислать из СССР православную литературу, а также предоставить «информацию о методах присоединения греко-католиков на Украине...»²⁰.

Обеспокоенное поступавшими по разным каналам сведениями руководство Совета разработало целый комплекс мероприятий «по униатам» (в том числе с привлечением органов госбезопасности). В частности, «для взаимной информации и выработки единой линии поведения в отношении униатской церкви» была предусмотрена встреча в Москве руководителей всех государственных органов, ведающих делами церкви в Польше, Венгрии, Чехословакии и Румынии²¹. Инициатива СДРПЦ была поддержана МИД СССР и КГБ²².

В декабре 1956 г. на заседании Совета постановили «подготовить по вопросу об униатах информацию в инстанции с предложением

о созыве в 1957 г. совещания представителей госорганов по делам церкви, на котором обсудить эту общую проблему и разработать совместный план действий...»²³.

Возможность частично реализовать задуманное представилась уже в марте 1957 г., когда заместитель министра образования и культуры Чехословакии пригласил председателя СДРПЦ приехать в страну и обсудить «взаимно интересующие нас вопросы церковно-политического характера»²⁴. На важность этого визита для советской стороны указывает серьезность подготовки к нему. «План работы» Карпова в Чехословакии был внимательно рассмотрен и утвержден в ЦК КПСС²⁵. С 3 по 19 июня председатель СДРПЦ в сопровождении уполномоченного Совета по Латвийской ССР Сахарова находился в Чехословацкой республике. В ходе встреч и бесед выяснилось, что «чехословацкие товарищи согласны с нашей позицией о нежелательности восстановления Греко-католической церкви и выражают опасение, что слухи о возможном восстановлении униатов в Польше могут оказать отрицательное влияние на бывших униатов в Чехословакии и СССР...»²⁶.

В ходе визита стороны пришли к выводу о том, что в борьбе против униатов не нужны радикальные меры, достаточно усилий по распространению православия в Словакии. Хозяева высказали пожелание о направлении православной молодежи в духовные учебные заведения Московской патриархии, о присылке священников из СССР и др.²⁷ Большие надежды в смысле усиления православной церкви в Словакии возлагались на нового предстоятеля Чехословацкой православной церкви митрополита Иоанна (Кухтина)²⁸. Было также высказано пожелание о необходимости созыва в Праге или Москве совещания представителей органов, занимающихся «вопросами церкви» «для обмена опытом и обсуждения проблем», а также о необходимости более тесных контактов (периодические встречи, обмен информацией и т. д.)²⁹.

Карпов представил подробный отчет о своем пребывании в Чехословацкой республике: кем был принят (заместителем премьер-министра, министром образования и культуры, зав.отделом пропаганды ЦК КПЧ, послом СССР в ЧССР), какие вопросы обсуждались, какие доклады и где были им сделаны. Представляется, что это было не только данью принятому протоколу: Карпов стремился подчеркнуть значимость собственной личности, а равно и занимаемой им

должности. Кроме того, председатель Совета особо подчеркнул, что между представителями аналогичных государственных органов стран народной демократии существуют тесные взаимоотношения: «...Только в 1957 г. г. Хорват из Венгрии дважды посетил Чехословакию; ...чехословацкие товарищи уже имели ряд встреч с руководителями ведомств из ГДР и Польши...»³⁰.

Наверно, и информация председателя Совета, и позиция МИД в этом вопросе (IV отдел МИД поддерживал Советы в их стремлении к активным контактам с иностранными коллегами) повлияли на положительное отношение к этому вопросу «в инстанциях». Но внимание советского руководства к просьбам и ходатайствам Совета о расширении связей с соответствующими органами стран народной демократии было, на наш взгляд, обусловлено сложностью и неоднозначностью процессов, проходивших в «социалистическом лагере» после XX съезда КПСС. Необходимость стабилизации обстановки в Восточной Европе требовала учета и эффективного использования церковно-религиозного фактора. Именно поэтому, как нам представляется, информация и докладные записки СДРПЦ принимались во внимание, а ходатайства Карпова о поездках сотрудников Совета в страны Восточной Европы удовлетворялись.

Ситуация в Польше внимательно отслеживалась IV отделом МИД и непосредственно заместителем министра Н.С. Патолычевым. Сотрудники советского посольства в Варшаве регулярно сообщали в Москву о беседах в Департаменте по делам вероисповеданий, а из внешнеполитического ведомства информация, в свою очередь, поступала руководству СДРПЦ.

Деятельность митрополита Макария продолжала вызывать недовольство поляков. В беседе в советском посольстве 26 февраля 1957 г. руководитель Департамента по делам вероисповеданий Я. Лех заявил: «...Православная церковь должна усилить работу среди украинцев, однако все наоборот... митрополит Макарий не понимает, что православная церковь не должна отдать 150 тысяч человек римско-католической церкви, ...нам нужен не только поп, но и политический деятель, ...нам неудобно поправлять его, так как он является гражданином СССР...»³¹.

Совет предложил два варианта решения проблемы: либо «отозвать митрополита Макария и рекомендовать друзьям из Польши

решать вопрос о главе православной церкви собственными кадрами», либо «...командировать в Польшу ответственного представителя Совета для бесед с польскими друзьями и о греко-католической церкви, и для соответствующих бесед с митрополитом Макарием...»³². МИД СССР высказался за второй вариант, мотивируя свою позицию тем, что он может быть осуществлен «быстрее». Фактор времени, по мнению советских дипломатов, играл важную роль так как «...в кругах украинско-культурного просветительского общества, а также в кругах польской общественности, включая партийных работников, усиливается мнение о необходимости восстановления Греко-католической церкви в Польше...»³³.

В результате обмена мнениями в адрес председателей СДРПЦ и Совета по делам религиозных культов от министра ПНР по делам религии Е. Штахельского в июне 1957 г. поступило приглашение посетить Польшу сроком на две недели. Секретариат ЦК КПСС 13 июля принял положительное решение³⁴.

Тогда же, в июле 1957 г., Совет направил на утверждение в инстанции Информационное письмо всем учреждениям и органам, ответственным за церковно-религиозную сферу в странах народной демократии. В письме говорилось о необходимости установления более тесного контакта «между нашими ведомствами», начав с обмена информацией «не реже одного раза в квартал». Выражалась надежда и на то, что «наш личный контакт также даст свои результаты...»³⁵. Сообщая в письме о деятельности Совета и мероприятиях Русской православной церкви за рубежом, Карпов впервые предложил обсудить вопрос об отношении Православных церквей к экуменическому движению, подробно изложив историю контактов РПЦ и Всемирного Совета Церквей (ВСЦ)³⁶.

В ответ по дипломатическим каналам Совет получил как письма от своих зарубежных коллег, так и — дополнительно — от сотрудников посольств в странах Восточной Европы³⁷.

В результате обмена мнениями было намечено организовать в Будапеште в сентябре 1957 г. встречу представителей всех ведомств, причастных к церковно-религиозным делам. 30 июля 1957 г. председатель Государственного управления по делам церкви Министерства просвещения и культуры Венгрии Я. Хорват через советское посольство в Будапеште передал приглашение Карпову и председателю Совета по делам религиозных культов А. А. Пузину на совещание,

назначенное на 1–8 сентября 1957 г.³⁸ Секретариат ЦК КПСС принял решение командировать Карпова и Пузина в Венгрию³⁹.

В ноябре Карпов и Пузин представили совместный отчет в ЦК партии и в Министерство иностранных дел⁴⁰. Отчет, по сравнению с энергичной и многословной (в смысле разработки документов и активной переписки различного рода) подготовкой к совещанию, отличался сухостью изложения и обтекаемостью формулировок. Основной целью совещания, согласно этому документу, являлась «взаимная информация представителей стран народной демократии по вопросам, связанным с деятельностью церквей». Отмечалось, что по каждому докладу задавались вопросы, возникала оживленная дискуссия. Исключением стал лишь доклад поляка Я. Леха, основным содержанием которого было «полное оправдание того, что происходит в Польше в церковных делах». Все участники высказали пожелание проводить подобные совещания ежегодно. При этом Карпов и Пузин подчеркнули, что «подобные совещания проводились и раньше, но без участия СССР...»⁴¹.

Проблема, из-за которой, собственно, и решено было организовать эту встречу, — отношение к возрождению греко-католической церкви, — в Будапеште почти не прозвучала. Участники пришли к выводу об удовлетворительной деятельности на этом направлении в своих странах, об адекватности применяемых методов и форм работы по усилению позиций православия реальной обстановке.

Вторым вопросом, которому также было уделено внимание на совещании в Будапеште, являлся вопрос об отношении Православных церквей к экуменическому движению.

Для СДРПЦ вопрос о необходимости сближения с ВСЦ фактически уже был решен с того момента, когда в 1955 г. поступила «рекомендация» председателя Комитета информации при МИД СССР А.А. Громыко о том, чтобы «...в целях оказания влияния на характер и направление деятельности Всемирного Совета Церквей можно было бы рассмотреть вопрос об участии в этой организации Русской православной церкви...»⁴².

На протяжении 1955–1956 гг. проходили активные неформальные встречи с представителями различных протестантских церквей — участниками экуменического движения⁴³. Их следствием явилось предложение (июнь 1956 г.) со стороны Центрального комитета ВСЦ об организации официальной встречи представителей РПЦ и ВСЦ⁴⁴. Более того,

в августе 1956 г. ВСЦ информировал митрополита Николая о единодушном положительном мнении по поводу принятия Русской церкви в ВСЦ, высказанном участниками пленума ЦК ВСЦ в Будапеште⁴⁵.

Московская патриархия по согласованию с СДРПЦ приняла предложение экуменистов⁴⁶. Совет министров СССР и Президиум ЦК КПСС отдельными распоряжениями дали согласие «...на встречу в начале 1957 г. делегации РПЦ в составе 5 человек с представителями Исполнительного комитета ВСЦ в Париже или другом европейском городе»⁴⁷.

Однако события в Венгрии осенью 1956 г. расстроили намеченные планы. Митрополит Николай считал необходимым написать письмо генеральному секретарю ВСЦ В. А. Виссерт-Хуфту с предложением отложить встречу. Мотивация: «...если встреча и состоится, то будет очень трудно, так как РПЦ стоит на противоположных позициях по венгерскому вопросу...». Карпов поддержал митрополита Николая⁴⁸.

Отсрочка встречи, как представляется, была выгодна церковному руководству. Сама Московская патриархия под давлением Совета уже не возражала против пересмотра решений 1948 г. об отношении к экуменическому движению. Но она не могла решить вопрос о сближении с экуменистами самостоятельно. Патриарх Алексий и митрополит Николай считали, что следует получить согласие всех автокефальных церквей — участниц совещания 1948 г., выработать единую позицию. С этими доводами был согласен и СДРПЦ.

Отношение руководителей Православных церквей к экуменизму, точнее, их отношение к изменению позиции 1948 г., по рекомендации Карпова «осторожно выяснялось» на протяжении 1956 г. во время визитов церковных делегаций в Москву и ответных визитов делегаций РПЦ, в переписке с главами церквей. Например, в беседе с патриархом Сербским Викентием во время его пребывания в СССР в октябре 1956 г. выяснилось, что «Викентий отрицательно относится к экуменическому движению, но не возражает против встречи с представителями ВСЦ...»⁴⁹.

К концу 1956 г. руководству Совета стало ясно, что назрел созыв нового **всероссийского** совещания глав церквей. В январе 1957 г. Карпов «ориентировал» митрополита Николая: «Главной задачей по внешней работе Московской патриархии в 1957 году является созыв совещания глав и представителей православных церквей для решения вопросов об отношении к экуменическому движению,

об отношении к униатам и другие...». Митрополит Николай «обещал продумать и представить свои соображения в ближайшее время...»⁵⁰.

Первоначально совещание было намечено на июнь 1957 г.⁵¹ Но 4 апреля митрополит Николай на приеме в Совете внес предложение об отсрочке мероприятия до ноября. Официальным поводом встречи могло стать празднование 40-летия восстановления патриаршества в России. Владыка Николай объяснил это рядом причин. Во-первых, Русская церковь не нанесла ответные визиты по приглашению делегаций, посетивших Московскую патриархию в прошлом и позапрошлом году. Следовательно, с точки зрения церковного этикета приглашать сейчас предстоятелей этих церквей в Москву неудобно. Во-вторых, созыв совещания усложнялся, по мнению Николая, тем, что вопрос об отношении к экуменическому движению еще не получил достаточной проработки: «Сербская церковь против участия в экуменическом движении, против высказывается и Греческая церковь, большие колебания у Болгарской церкви. ...Все это вместе взятое вызывает опасение, что мы не сможем получить единства в таком вопросе, может возникнуть опасность публичного раскола на совещании, что используют во вред Русской церкви католики и другие недружелюбные церковные круги...»⁵².

Карпов был вынужден согласиться с аргументами митрополита. Они вместе пережили опыт подготовки совещания 1948 г.⁵³, и этот опыт подсказывал, что приезд глав церквей (в первую очередь, это относилось к Восточным патриархам) целесообразно приурочить к какому-либо церковному празднику.

К маю 1957 г. Совет согласовал все вопросы, связанные с созывом совещания, в «инстанциях»: в МИД, КГБ, советском Комитете защиты мира. В письме от 21 мая в ЦК КПСС Карпов отмечал: «...Учитывая, что от поездки на специально созданное совещание некоторые церкви могут уклониться, патриархия намечает пригласить глав и представителей церквей на церковные торжества в связи с исполняющимся в ноябре 40-летием восстановления патриаршества в Русской православной церкви и использовать приезд делегаций для проведения совещания...»⁵⁴.

Постановлением Секретариата ЦК КПСС от 13 июля 1957 г. проведение совещания глав автокефальных Православных церквей в Москве в ноябре 1957 г. по случаю 40-летия восстановления патриаршества в РПЦ было санкционировано⁵⁵.

В упомянутом письме от 21 мая Карпов просил разрешения ЦК «...путем переписки с лицами, ведающими вопросами церкви в странах народной демократии, ознакомить их с точкой зрения Совета по вопросам взаимоотношений с ВСЦ и намечаемым совещанием»⁵⁶. Намерение Карпова повлиять таким образом на позицию глав православных церквей Восточной Европы через аналогичные Совету органы в этих странах было обусловлено серьезностью сложившейся обстановки. По информации митрополита Николая, принципиальная позиция высшего клира ряда церквей не изменилась: «...румыны, сербы, болгары, антиохийцы, греки категорически против участия в экуменическом движении, они все, за исключением греков, сторонники наших соглашений 1948 года...»⁵⁷.

В информационном письме в страны народной демократии от 8 июля 1957 г.⁵⁸ Карпов аргументировал необходимость обсуждения вопроса об отношении Православных церквей к экуменическому движению⁵⁹.

На проведенном в сентябре 1957 г. совещании представителей социалистических стран линия Москвы на сближение с экуменистами поддержки у коллег не получила⁶⁰. Совет продолжил работу в этом направлении уже на уровне двусторонних встреч⁶¹.

Одновременно решалась задача следования межцерковному этикету. Летом 1957 г. согласовывались программы поездок патриарха Алексия в Болгарию в сентябре — для участия в церковных торжествах в связи с 80-летием победы русских войск и болгарских ополченцев на Шипке, и в Югославию в октябре — как ответная на визит патриарха Викентия в 1956 г.⁶² В ходе визитов предусматривалось и обсуждение вопросов, связанных с предстоящими в Москве юбилейными торжествами. В Совете совместно с руководством Московской патриархии отработывалась возможная тактика действий. Как следует из стенограммы одной из бесед, «...договорились о возможности такого тактического варианта на совещании: в ходе дружеских бесед предварительно выяснить мнение всех глав церквей об их отношении к экуменическому движению... с тем, чтобы при создавшейся необходимой обстановке можно было принять решение, но с тем, чтобы предложения исходили не от Русской церкви...»⁶³.

Но уже 26 августа 1957 г. патриарх Алексий на приеме в Совете высказался за перенос празднования 40-летия восстановления патриаршества на более поздний срок, поскольку «в декабре из-за морозов

многие главы церквей — патриарх Александрийский, патриарх Антиохийский — не приедут, хотя и пошлют своих представителей, и поэтому желаемого результата не получится...». Патриарх Алексий и Карпов сошлись на том, что «надо дождаться ответов на приглашение, и если увидим, что большинство глав церквей за другие сроки — перенести [встречу] на весну 1958 г. после Пасхи...»⁶⁴.

В конце ноября 1957 г. стало ясно, что празднование 40-летия патриаршества придется отложить. Карпов информирует об этом инстанции в конце января 1958 г., указав на «пожелание восточных патриархов перенести торжества на более теплое время...»⁶⁵.

Празднование 40-летия восстановления патриаршества РПЦ прошло в мае 1958 г. В течение двух недель в СССР находились делегации 13-ти из 15 Православных церквей⁶⁶. Однако вопрос об отношении к экуменическому движению и контактах с ВСЦ не обсуждался. Лишь Русская православная церковь, от лица которой на торжественном акте в Московской духовной академии митрополит Николай выступил с докладом «Православие и современность», выразила свое отношение к экуменизму. Иерарх, обозначив «признаки эволюции» экуменического движения, заявил, что «Русская православная церковь считает возможным пойти навстречу желанию Всемирного Совета Церквей и встретиться с его руководителями, — пока с единственной целью взаимного ознакомления со взглядами на целесообразность и формы дальнейших отношений»⁶⁷.

Таким образом, задача подвести Православные церкви — по крайней мере, церкви стран народной демократии — к ревизии антиэкуменических установок совещания 1948 г. не увенчались успехом.

С точки зрения власти подобный результат совещания свидетельствовал о недоработке Совета по делам Русской православной церкви. «Недоработка», на наш взгляд, действительно имела место. Немаловажную роль сыграла, в частности, отрицательная позиция Карпова к идее вхождения РПЦ во Всемирный Совет Церквей, что косвенно подтверждается материалами, связанными с обсуждением этого вопроса. Карпов обоснованно полагал, что стремление ВСЦ к контактам с РПЦ и активно выражаемое желание о ее членстве определялись политическими целями. Это подтверждала информация, получаемая из различных источников. Уже в процессе подготовки московской встречи Карпов обратился с просьбой в Комитет информации при МИД СССР подготовить справку о деятельности ВСЦ. Такую справку

с секретным приложением Карпов получил в августе 1957 г. Знакомясь с документом, председатель Совета особо выделил — подчеркнул красным карандашом — следующий тезис: «ВСЦ весьма активно выступает за урегулирование отношений между Востоком и Западом, полагая, что нормализация этих отношений даст западным церквям возможность сильнее воздействовать на духовенство стран социалистического лагеря»⁶⁸. При таком положении дел, войдя в ВСЦ, Русская церковь без поддержки других Православных церквей не только не смогла бы, по мнению председателя СДРПЦ, влиять на характер и направление деятельности экуменического движения, но и противостоять «западному воздействию». Этой точки зрения Карпов придерживался вплоть до своего увольнения с поста председателя Совета⁶⁹.

Представляется, что во многом именно политическая позиция председателя СДРПЦ предопределила и решение руководителей аналогичных органов власти в странах народной демократии не спешить с принятием положительного решения.

Независимая позиция председателя Совета по делам РПЦ, собственное видение характера и перспектив сотрудничества РПЦ и Православных церквей стран содружества на международной арене, несовпадающее с точкой зрения Кремля, вызывало раздражение и недовольство власти.

Контакты председателя СДРПЦ с главами органов власти, занимающимися вопросами религиозных культов в странах Восточной Европы, так динамично развивавшиеся в 1956–1957 гг., с 1958 г. были «заморожены». В ответ на просьбы Карпова в ЦК КПСС в сентябре 1958 г. разрешить ему поездку в Румынию по приглашению генерального секретаря Департамента культов при РНР Догару и в Болгарию по приглашению председателя Комитета по вопросам Болгарской православной церкви и религиозных культов Ключукова из ЦК сообщили, что «поездка Карпова в Румынию и Болгарию не вызваны необходимостью»⁷⁰.

В высших эшелонах власти в СССР к концу 1950-х гг. были явно разочарованы как результатами внешнеполитической деятельности Русской православной церкви, так и руководством «внешней линией» Московской патриархии со стороны Совета. СДРПЦ не смог стать лидером подобных государственных структур в странах народной демократии и влиять через них на позиции глав Православных церквей Восточной Европы. Это с очевидностью показали результаты

межправославной встречи в Москве весной 1958 г. Ее неудача послужила для сторонников жесткой линии в церковной политике из числа партаппаратчиков дополнительным аргументом для вывода о нецелесообразности продолжения прежней вероисповедной политики в стране. Секретные постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. и СМ СССР от 16 октября 1958 г.⁷¹ положили начало особому периоду в истории государственно-церковных отношений в СССР. Начался новый этап и в деятельности Московской патриархии на международной арене.

Вероисповедная политика государства в Советском Союзе весной-осенью 1958 г. претерпевает радикальные изменения. Период «оттепели» закончился, власть начинает новое наступление на церковь, духовенство и верующих.

Примечания

¹ В Совет министров СССР (далее — СМ СССР). Г.М. Маленкову. 29 апреля 1953 г. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1012. Л. 101—102.

² Так, материалы о принятии в советское гражданство архимандрита А. Дехтерева из Египта, представленные в правительство, вернули с указанием «пусть решает ЦК КПСС...». Из ЦК партии их также вернули с резолюцией о том, что «нужно войти в Президиум Верховного Совета» (Докладные записки Совета по делам РПЦ в СМ СССР, ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР о гражданстве А. Дехтерева. 1953 г. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1114. Л. 24, 34.)

³ В СМ СССР. 5 мая 1954 г. Там же. Л. 181—185.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 428—432.

⁵ В ЦК КПСС. Октябрь 1954 г. — ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1116. Л. 7.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 447—450.

⁷ Известия. 1954 г. 12 декабря.

⁸ Штатное расписание и смета административно-хозяйственных расходов Совета по делам РПЦ при СМ СССР на 1955 г. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 5. Л. 85.

⁹ Впервые такой прием, на который были приглашены патриарх Алексий и митрополит Николай, состоялся в Кремле 9 июня 1955 г. в честь пребывания в СССР премьер-министра республики Индия Д. Неру. Прием был устроен председателем Совета министров СССР Н. А. Булганиным.

¹⁰ Доклад заведующего Отделом члена Совета Г. Т. Уткина о работе Отдела за 1955 г. 27 апреля 1956 г. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1329. Л. 37.

¹¹ Объяснительная записка к бухгалтерскому отчету Совета по делам РПЦ при СМ СССР за 1955 г. Там же. Оп. 2. Д. 104. Л. 64–65.

¹² Доклад заведующего Отделом члена Совета Г. Т. Уткина о работе Отдела за 1955 г. 27 апреля 1956 г. Там же. Оп. 1. Д. 1329. Л. 41.

¹³ Запись беседы в Совете передает атмосферу взаимного недопонимания и недоверия между собеседниками. Румынский коллега не мог поверить, что Московская патриархия не получает субсидий от государства, «удивлялся», что Совет не имеет своих людей в церкви, а ведь заместитель председателя Совета министров Румынии Боднараш, упрекая Константинеску в плохой информированности о положении в Румынской православной церкви, «порекомендовал» ему «поучиться у Карпова». В целом у Карпова сложилось впечатление, «что больше Константинеску-Яшь интересуется прогулками, театром, достопримечательностями и встречами с отдельными людьми...» (В ЦК КПСС, СМ СССР, МИД СССР. 14 декабря 1955 г. Информация Совета по делам РПЦ. Там же. Оп. 1. Д. 1226. Л. 55.).

¹⁴ Министерство иностранных дел — Г. Г. Карпову. Февраль 1956 г. Там же. Оп. 1. Д. 1426. Л. 43–50.

¹⁵ В ЦК КПСС. 28 февраля 1957 г. Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 53. Л. 6–7. Общее число униатского духовенства на начало 1957 г. составило 402 человека.

¹⁶ Посольство ПНР в СССР заведующему IV Европейским отделом МИД СССР Горчакову А. И. 21 августа 1956 г. — ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1426. Л. 112.

¹⁷ В ЦК КПСС. Информация Совета по делам РПЦ при СМ СССР. 7 февраля 1956 г. — Там же. Оп. 1. Д. 1331. Л. 71; В ЦК КПСС, СМ СССР, МИД СССР. О пребывании в СССР тт. Гавелка и Плигал. Июль 1956 г. Там же. Л. 141–143.

¹⁸ В ЦК КПСС. Информация Совета по делам РПЦ при СМ СССР. 7 февраля 1956 г. — Там же. Д. 1331. Л. 71. Выезд предполагался с семьями, сохранялось советское гражданство, заработная плата от чехословацкого государства и доход от прихода; переезд осуществлялся также за счет Чехословацкого правительства. (Распоряжение СМ СССР №1637 р/с; решение Президиума ЦК КПСС №118/5 от 23.03.1956 г. Там же.).

¹⁹ В МИД СССР. Патоличеву Н. С. 17 августа 1956 г. Там же. Оп. 1. Д. 1426. Л. 106.

²⁰ Посольство ПНР в СССР. Заведующему IV европейским отделом МИД СССР Горчакову А. И. 21 августа 1956 г. Там же. Д. 1426. Л. 112–113.

²¹ В МИД Патоличеву Н. С. — Бельшеву К. С. 3 сентября 1956 г. Там же. Л. 116.

²² Зам. министра иностранных дел Патоличев Н. С. — зам. председателя Совета по делам РПЦ при СМ СССР С. К. Бельшеву. 9 сентября 1956 г. Там

же. Д. 1334. Л. 90; Зам. Председателя КГБ при СМ СССР П. Ивашутин — зам. председателя Совета по делам РПЦ при СМ СССР С. Бельшеву. 6 сентября 1956 г. Там же. Д. 1432. Л. 125.

²³ Протокол заседания Совета 29/с от 14 декабря 1956 г. Там же. Д. 1329. Л. 114.

²⁴ Решение Секретариата ЦК КПСС от 18 марта 1957 г. №37/24рс. Там же. Д. 1438. Л. 37.

²⁵ В Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС. т. Константинову Ф. В. План работы Г. Г. Карпова в Чехословакии. 15 мая 1957 г. Там же. Л. 123—124.

²⁶ В ЦК КПСС, СМ СССР, МИД СССР. Информация Г. Г. Карпова о пребывании в Чехословакии. 22 июня 1957 г. Там же. Л. 135—139.

²⁷ Там же. Л. 139.

²⁸ Священный Синод РПЦ удовлетворил просьбу митрополита Елевферия о переводе его на епархию в СССР. 19 мая 1956 г. состоялись выборы нового главы Православной Церкви в Чехословакии — епископа Жатецкого Иоанна (советский гражданин Кухтин). См.: Митрополит Николай. В Чехословакии на церковных торжествах // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1956 г. №7. С. 71—75.

²⁹ В ЦК КПСС, СМ СССР, МИД СССР. Информация Г. Г. Карпова о пребывании в Чехословакии. 22 июня 1957 г. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1438. Л. 139.

³⁰ Там же. Л. 136.

³¹ Беседа в советском посольстве в ПНР 2-го секретаря посольства СССР в ПНР Масленникова с Директором департамента по делам вероисповеданий Польши Я. Лехом. 26 февраля 1957 г. Там же. Д. 1534. Л. 8—10.

³² В ЦК КПСС. Докладная записка Совета по делам РПЦ. 25 июня 1957 г. Там же. Д. 1438. Л. 143.

³³ Там же. В беседе Карпова с патриархом Алексием 18 июля 1957 г. выяснилось, что митрополит Макарий «очень желает... вернуться в СССР, категорически отказывается принимать польское подданство и маловероятно, что сделает какую-либо работу среди униатов...». Там же. Д. 1441. Л. 46. Во время беседы 23 июля 1957 г. Карпова с патриархом Алексием и митрополитом Николаем «согласились не возражать, если польские друзья пожелают, против возвращения Макария на Львовскую кафедру». Там же. Л. 50.

³⁴ Решение Секретариата ЦК КПСС №45/164 рс. От 13.07.1957 г. Там же. Д. 1438. Л. 144.

³⁵ Информационное письмо Совета по делам РПЦ при СМ СССР в страны народной демократии. 8 июля 1957 г. // Там же. Д. 1534. Л. 49—58.

³⁶ Там же. Л. 54—56.

³⁷ Информация Карпову из Чехословакии из посольства СССР в Праге. Июль 1957 г.; Г. Г. Карпову из Венгрии. Июль 1957 г.; справка из посольства СССР в ПНР «Политика ПОРП и польского правительства по отношению

к католическому костелу в настоящее время» от 16 сентября 1957 г.; запись беседы в Праге сотрудника советского посольства с зав. Отделом церкви Министерства образования и культуры от 11 сентября 1957 г. Там же. Д. 1534. Л. 70–71; Л. 137; 141–164; Л. 192.

³⁸ МИД СССР — Г. Г. Карпову. 30 июля 1957 г. Там же. Л. 137.

³⁹ Решение Секретариата ЦК КПСС. 20 августа 1957 г. Там же. Д. 1439. Л. 11.

⁴⁰ В ЦК КПСС, МИД СССР. Отчет о поездке в Венгрию на совещание, касающееся деятельности церквей. Г. Карпов, А. Пузин. 13 ноября 1957 г. Там же. Л. 74–76.

⁴¹ Там же. Л. 75.

⁴² Из письма Г. Г. Карпова в ЦК КПСС от 10 октября 1956 г. Там же. Д. 1333. Л. 23.

⁴³ См.: ЖМП. 1955. №№ 1–12; ЖМП. 1956 г. №№ 1–12; Информационные доклады и записки Совета по делам РПЦ. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1114. Л. 49–54; Д. 1228. Л. 15, 138.

⁴⁴ Информация Совета по делам РПЦ в ЦК КПСС — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 22. Л. 73.

⁴⁵ *Ливцов В. А.* Русская Православная Церковь и экуменическое движение в XX веке. М., 2000. С. 52.

⁴⁶ В ЦК КПСС. Информационное письмо Совета по делам РПЦ. 10 октября 1956 г. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1333. Л. 23.

⁴⁷ Распоряжение СМ СССР от 27.10.1956 г. № 6466 р.с.; распоряжение Президиума ЦК КПСС от 27.10.1956 г. № П49/36. Там же.

⁴⁸ Запись беседы председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова с митрополитом Николаем. 1 декабря 1956 г. Там же. Д. 1335. Л. 124.

⁴⁹ В ЦК КПСС. Информация о пребывании в СССР делегации Сербской православной церкви. 16 октября 1956 г. Там же. Д. 1333. Л. 44.

⁵⁰ Запись беседы председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова и Г. Т. Уткина с митрополитом Николаем. 11 января 1957 г. Там же. Д. 1441. Л. 7.

⁵¹ Запись беседы председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова с митрополитом Николаем. 4 апреля 1957 г. Там же. Л. 22.

⁵² Там же. Л. 21–22.

⁵³ Подробнее см.: *Чумаченко Т. А.* К истории организации Совещания глав Православных автокефальных церквей в июле 1948 г. в Москве // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Вып. 2. М., 2005. С. 228–249.

⁵⁴ В ЦК КПСС. 21 мая 1957 г. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1438. Л. 115–117.

⁵⁵ Постановление Секретариата ЦК КПСС от 13 июля 1957 г. за № 45/163 рс — Там же. Л. 117.

⁵⁶ В ЦК КПСС. 21 мая 1957 г. Там же.

⁵⁷ Запись беседы председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова с митрополитом Николаем. 25 июня 1957 г. Там же. Д. 1441. Л. 38–39.

⁵⁸ Информационное письмо Совета по делам РПЦ при СМ СССР в страны народной демократии. 8 июля 1957 г. Там же. Д. 1534. Л. 49–58.

⁵⁹ Там же. Л. 54–56.

⁶⁰ В ЦК КПСС, МИД СССР. Г. Карпов. А. Пузин. Отчет о поездке в Венгрию на совещание, касающееся деятельности церквей. 13 ноября 1957 г. Там же. Л. 74–76.

⁶¹ Тогда же были запланированы и утверждены командировки Карпова в Польшу и Югославию / Решения Секретариата ЦК КПСС. Там же. Д. 1439. Л. 133; Д. 1543. Л. 30.

⁶² Решение Секретариата ЦК КПСС соответственно от 19.09.1957 г. № 44/77 рс и от 26.09.1957 г. — Там же. Д. 1438. Л. 162; Д. 1439. Л. 9. ЖМП. 1957. № 9. С. 3; № 10. С. 3, 53–72; № 11. С. 59–77.

⁶³ Запись беседы Г. Г. Карпова с патриархом Алексием и митрополитом Николаем. 23 июля 1957 г. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1441. Л. 48.

⁶⁴ Запись беседы Г. Г. Карпова с патриархом Алексием. 26 августа 1957 г. Там же. Л. 59.

⁶⁵ В ЦК КПСС. 22 января 1958 г. Там же. Д. 1543. Л. 5.

⁶⁶ Не приехали делегации от Кипрской и Иерусалимской Православных церквей. Подробнее о торжествах в Москве см.: ЖМП. 1958. № 6. Специальный номер, посвященный празднованию сорокалетия восстановления патриаршества в Русской православной церкви.

⁶⁷ ЖМП. 1958. № 6. С. 71.

⁶⁸ Зам. Председателя Комитета информации при МИД СССР И. Тугаринов — председателю Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпову. 24 августа 1957 г. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1540. Л. 25.

⁶⁹ Так, подводя итоги встречи митрополита Николая и генерального секретаря ВСЦ В. А. Виссерт-Хуфта, состоявшейся в декабре 1959 г. в Москве, Карпов писал в ЦК КПСС 3 января 1960 г., что в дальнейшем необходимо продолжать контакты, влиять на политику ВСЦ, «однако, имея в виду его "идеологические задачи", вступать в члены "нецелесообразно" // Цит. по: *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 1999. С. 320.

⁷⁰ ЦК КПСС — Совет по делам РПЦ. Справка по телефону. 16 октября 1958 г. ГА РФ. Оп. 1. Д. 1544. Л. 37, 41.

⁷¹ «О Записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам о недостатках научно-атеистической пропаганды». Постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. // РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 554. Л. 14–17; «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей»; «О монастырях в СССР». Постановления СМ СССР от 16 октября 1958 г. // Законодательство о религиозных культах. М., 1971. С. 108, 109.

Содержание

К читателю	3
<i>Т. А. Чумаченко</i> Совет по делам Русской православной церкви и внешнеполитическая деятельность Московской патриархии: проблемы взаимодействия с государственными органами стран народной демократии во второй половине 1950-х годов	8
<i>М. И. Одинцов</i> Государство и религиозные объединения в эпоху «перестройки и гласности» в СССР. 1985–1990 годы	27
<i>Протоиерей Николай Балашов (Москва), протоиерей Игорь Прекуп (Таллин)</i> Мораль и право vs политическая целесообразность? Из истории церковно-государственных отношений в Эстонии	45
<i>Т. В. Волокитина</i> Оппозиция или конформизм? Болгарская православная церковь и коммунистический режим (1940-е — 1980-е гг.)	102
<i>В. В. Бурега</i> Церковный раскол в Болгарии в 1990–2000 гг.	139
<i>А. Ф. Носкова</i> Римско-католическая церковь и кризис 1956 года в Польше	160
<i>В. В. Волобуев</i> Католическая церковь и общественно-политический кризис в Польше в декабре 1970 — январе 1971 гг. (по материалам Архива внешней политики РФ)	189

<i>Л. С. Лыкошина</i>	
Церковь и общество в современной Польше	210
<i>К. Василе</i>	
Церковь и государство в Румынии в первые годы коммунистического режима: ликвидация Греко-католической церкви и позиция православного епископата	241
<i>А. С. Стыкалин</i>	
«Старый национализм приходится пересматривать везде...» Кардинал Миндсенти о месте Венгрии в Средней Европе и будущем российско-венгерских отношений (ноябрь 1956 г.).	263
<i>М. Балог (Будапешт)</i>	
Между лояльностью и оппозиционностью: венгерская католическая церковь в «ловушке» церковной политики Яноша Кадара.	294
<i>Г. П. Мурашко</i>	
«Пражская весна» 1968 г.: власть и католическая церковь на пути к диалогу	319
<i>М. Глеваяк</i>	
Возобновление официальной деятельности Греко-католической церкви в Словакии в 1968 г. и проблема возвращения в нее православных священников.	347
<i>А. И. Филимонова</i>	
Ватикан и распад Югославии.	370
<i>А. Г. Ананьев</i>	
К вопросу о роли исламского фактора на Балканах на рубеже XX—XXI вв.	391
<i>В. Димитриевич, З. Чворович</i>	
Сербская православная церковь в условиях югославского кризиса и политических трансформаций Сербии (конец XX — начало XXI века). Политические, правовые и исторические аспекты	400
<i>О. Н. Четверикова</i>	
Католическая церковь накануне коренной перестройки Как «уходили» Бенедикта XVI	438

ПРИЛОЖЕНИЯ

Православная жизнь на Южном Урале и в Поволжье в 1960-е годы (Протоиерей Владимир Ильич Рожков и его «Записки священника»)	461
<i>Аттила Шереш</i> «Без должного такта к религии и верующим» Российские документы, касающиеся вопроса пребывания румынского министра культов Петре КонстантINESКУ-ЯША в СССР в 1955 г.	487
Сведения об авторах	535

Научное издание

**ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ
в СССР и странах Восточной Европы
в период политических кризисов второй половины XX века**

Выпускающий редактор *М.В. Беглецова*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *М.И. Леньшина*

Подписано в печать 13.02.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 33,75. Заказ № 3358
Тираж 500 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23